

Знаковые имена современной русской литературы

ЕВГЕНИЙ ВОДОЛАЗКИН

Коллективная монография под ред. Анны Скотницкой и Януша Свежего, Краков 2019

Элина Кахла

Финляндия, Хельсинки

Александровский институт Хельсинкского университета

ВОСПРИЯТИЕ И ПЕРЕВОД РОМАНА ЛАВР ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА В ФИНЛЯНДИИ

В настоящей статье наша задача состоит в том, чтобы вкратце рассмотреть причины, которые повлияли на то, что ранее неизвестный в нашей стране автор сразу после выхода в свет перевода романа *Лавр*, по-фински *Четыре жизни Арсения* (*Arsenin neljä elämää*, 2015)¹, завоевал у нас имя и уважение. Этот успех, на наш взгляд, обеспечили как минимум четыре фактора: 1) традиционно большая популярность русской и русскоязычной литературы в Финляндии; 2) востребованность культурного обмена как противовеса для охлаждения геополитического климата; 3) роль переводчика и 4) освещение перевода в критике. Мы постараемся обсудить все эти факторы.

1) В Финляндии ежегодно выходит в свет несколько десятков произведений современной русской и русскоязычной литературы в переводах на финский и шведский языки. Издатели и переводчики регулярно поощряются различными стипендиями, становятся участниками литературных событий и читают лекции. Немаловажную роль в этом играют преподаватели кафедр русского языка и культуры, презентации еще не переведенных авторов, живые встречи с писателями и дискуссии. Сегодня в нашей стране

¹ J. Vodolazkin, *Arsenin neljä elämää*, suomentanut E. Kahla, Helsinki 2015.

русистские и славистские кафедры существуют в пяти университетах: в Хельсинки, Турку, Тампере, Ювяскюля и Йоэнсуу.

2) Начиная с 2014 года — в результате охлаждения геополитической обстановки между Россией и Западом, а также санкций и нарастающих трудностей в официальном сотрудничестве во многих сферах, включая культуру, науку и образование, — могло бы показаться, что интерес к русской литературе будет слабеть, спрос падать. Оказывается, однако, что дела обстоят как раз наоборот — актуальная литература и встречи с литераторами вызывают любопытство как альтернатива для политики и экономики. Об этом свидетельствуют переполненные залы на открытых лекциях, в частности, организованных Обществом русской литературы (Venäläisen kirjallisuuden seura). В последнее время стало возможным записывать эти лекции, которые таким образом становятся доступными через Интернет (YouTube)².

Длительные процессы культурного обмена развиваются своими темпами, несмотря на перебои и политическую конъюнктуру. Например, еще до всяких санкций было принято решение пригласить Россию в качестве «тематической страны» (страны-гостя) на самое крупное ежегодное литературное мероприятие — книжную ярмарку в столичном городе Хельсинки (кстати, в том же году Финляндия была гостем на Книжной ярмарке во Франкфурте, где «финская тарелка» пользовалась большим успехом). Привлечение внимания к литературе благодаря встречам с наиболее интересными русскими писателями несомненно повлекло за собой повышенный интерес среди финских специалистов и широкой публики.

На книжную ярмарку в Хельсинки в октябре 2015 года приехала делегация русских писателей во главе с Евгением Водолазкиным. Среди участников были: Борис Акунин, Виктор Ерофеев, Людмила Улицкая, Елена Чижова, Роман Сенчин, издатель Ирина Прохорова, критик Артемий Троицкий и другие. По приглашению финских организаторов отдельно прибыли Дина Рубина, Владимир Сорокин и Михаил Шишкин. Конечно, не стало сюрпризом то, что больше всего вопросов журналистов к литераторам касалось свободы слова и ситуации авторов в современной России. И тем не менее политические манифесты играли не первую скрипку.

Размах предложения был достаточно большим: на российском стенде было представлено 2500 книг: классическая и современная проза, поэзия, детские книги и учебные материалы. Кроме того были представлены культура и литература финно-угорских народов. Полифония обеспечена, —

² См. сайт Общества русской литературы в Финляндии: Venäläisen kirjallisuuden seura, <https://blogs.helsinki.fi/venalainen-kirjallisuus/kirjallisuussuhteet> [дата обращения: 05.06.2018].

сказал в интервью столичной газете «Хельсингин Саномат» профессор русской литературы и культуры Томи Хуттунен из Хельсинкского университета³. Так оно и было: программа оказалась насыщенной, разнообразной и привлекательной, и даже мало кому известные поэты вызвали живой интерес.

Программа мероприятий стала результатом сотрудничества между литературными союзами, PEN-клубом, обществом дружбы «Финляндия–Россия», фондами-спонсорами, издателями, посольством Российской Федерации в Финляндии, Хельсинкским университетом, прессой, книжными магазинами и библиотечной электронной сетью Хелмет. В течение всех четырех дней ярмарки роман *Arsenin neljä elämää* продавался на стенде издателя «Инто» лучше других книг.

Успех романа неизвестного автора — всегда секрет. Ключевую роль в привлечении интереса к нему сыграли, безусловно, несколько интервью с автором накануне публикации перевода, а также рекомендации и отзывы. О русскоязычной версии романа *Лавр* написал, пожалуй, всего один критик — Мика Михаил Пюлсю⁴ в научном журнале «Idäntutkimus». Критик дал своему тексту заглавие *Очень русский бестселлер*, но было ясно, что бестселлер ему не до конца понравился. На наш взгляд, дело отчасти в том, что Пюлсю упустил некоторые заслуживающие внимания нюансы.

Например, недоумение вызывает фраза из его статьи: «после смерти жены главный герой посвящает жизнь добрым делам»⁵. Ведь в сюжете изначальной бедой оказалось именно то, что законными супругами Арсений и Устина стать не успели: Арсений стеснялся и скрывал свою беременную спутницу от посторонних глаз. А Устина, в свою очередь, видела в этой неустроенности отношений то ли беззаконие, то ли некую недобрую примету, что в дальнейшем развитии повествования сыграло роковую роль.

Далее критик пишет: «особенно чувствуется влияние жития Ксении Петербургской»⁶. Это, несомненно, верно, но можно было бы назвать и ряд других агиографических первоисточников, в частности жития Кирилла Белозерского (XIV–XV век) или Варлаама Керетского (XVI век), которые оказались важными для сюжета *Лавра*.

³ S. Ahola, *Komea kattaus venäläistä kirjallisuutta*, «Helsingin Sanomat», 17.04.2015, <https://www.hs.fi/kulttuuri/art-2000002816905.html> [дата обращения: 16.01.2019]. Здесь и далее перевод наш. — Э. К.

⁴ M. Pylsy, *Hyvin venäläinen bestseller*, «Idäntutkimus» 2014, № 4, с. 91–92, http://www.helsinki.fi/idantutkimus/arkisto/2014_4/it_4_2014_pylsy.pdf [дата обращения: 05.06.2018].

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Пюлсю сравнивает роман также с *Кысью* Татьяны Толстой, обращая внимание на язык произведений и отмечая, что у Водолазкина меньше архаизмов: «Древнерусизмы с библейскими коннотациями функционирует в *Лавре* как легкий элемент, орнамент для создания атмосферы»⁷, с чем, на наш взгляд, нельзя согласиться. Он продолжает:

Внимание читателя к духовным подвигам Арсения поддерживается различными проверенными средствами, такими как графический натурализм в умеренных пропорциях, не выходящие за рамки приличия любовные сцены, всегда унылый магический реализм (если термин применим к сугубо христианской космологии произведения)⁸.

Далее критик пишет о «пряничной версии положительного героя» и о «банальных мудростях типа „все будет зависеть от силы твоей любви“»⁹. Цитата, однако, немного упрощена — высказывание старца Никандра продолжается: «И, конечно же, от силы твоей молитвы»¹⁰. Любовь и молитва здесь взаимосвязаны. В мироощущении и речи средневекового старца любовь, на наш взгляд, ближе к понятию «обожение» (теозис), к трансцендентному и аскезе, чего подтекстом можно считать библейский стих: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13:13). Для средневекового врача молитва — большая помощь, и так надо толковать слова старца.

Пюлсю замечает еще, что автор «пытается попасть в высокую литературу, но кокетничает с массовым читателем», и что в романе «нет ни одной оригинальной мысли». Причем критик считает одним из «наиболее наглядных примеров популярной литературы» «пресловутый» (в оригинале «surullisen kuuluisa») ¹¹ роман Бориса Пастернака *Доктор Живаго*. Складывается впечатление, что Пюлсю чрезвычайно критичен к русским авторам, добившимся значительного успеха.

3) Роль переводчика в привлечении внимания к произведению неизвестного автора всегда большая. Переводчик — это адвокат, сопровождающий, в конце концов — любящий. Ниже опишем некоторые трудности, с которыми столкнулся переводчик *Лавра*.

Название. Оно оказалось труднопереводимым, так как «лавр» (бот.) — «laakeri» — скорее ассоциируется с финским словом «kuulalaakeri», обозначающим «шариковый подшипник» (техн.), а святой Лавр — Lauros

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Е. Водолазкин, *Лавр: роман*, Москва 2015, с. 113.

¹¹ M. Pylsy, *Hyvin venäläinen bestseller...*

— остается в финском контексте без коннотаций. *Четыре жизни Арсения* можно, таким образом, назвать компромиссом, акцентирующим внимание на динамике перевоплощений персонажа. Нам известны некоторые критические замечания по поводу изменения оригинального названия, но такого рода решения в конечном итоге всегда лежат на ответственности издателя. Выбор был сделан после консультаций с российским агентом, причем по-французски роман был назван так же: *Les quatre vies d'Arséni*.

Архаизмы. При переводе пришлось выбрать определенную стратегию и относительно использования старославянизмов. Мы задались несколькими вопросами. Как передать архаический оттенок слова? Ведь в финском языке библейские и церковные тексты звучат вполне современно. Микаэль Агрикола, отец финской письменности, сделал первый перевод Библии на финский язык в 1548 году. Можно ли использовать словарь этого перевода? Уже беглый взгляд на тексты Агриколы остановил переводчика, так как не существует преемственности между архаикой и приемлемым для современного читателя стилем и лексикой. Пришлось смириться с тем, что вместо архаизмов использовались всего лишь графические иллюстрации — буквицы, которые создают архаичный эффект, и еще стилистические детали, отдельные устаревшие слова.

Топонимика и имена собственные. В стратегии перевода с русского на финский возникает вопрос, что выбрать: ассимиляцию или остранение? Поскольку поэтическое пространство писателя находится «вне времени», нам хотелось выбрать там, где это уместно, привычные, традиционные финно-угорские варианты. Например, Анзер — Hanhisaari, Соловки — Solokka. В отдельных случаях выбор пал на карельские варианты, если таковые встречаются в текстах XVI–XXI веков. Таким образом, святитель Кирилл Белозерский стал именоваться Kirilä Valgetjärveläinen (кар.), а не Kirill Valkeajärveläinen (совр. фин.). У переводчика было желание употребить карельские варианты хотя бы ради того, чтобы напомнить о существовании этого языка среди других финно-угорских языков¹².

4) Судя по откликам и рецензиям, роман *Лавр* вызвал особое внимание среди православных читателей во всем русскоязычном мире. Возможно,

¹² Ханну Пююккёнен пишет: «Среди географических названий в книге есть такие, которые знакомы многим финнам через святых, которые жили в этих местах. Например, одно такое место, Валгетъярви, связано с известным в Финляндии просветителем Карелии и основателем монастыря святым Кириллом (в финском переводе Kirilä). Среди географических названий, которые переводчик великолепно перевел в финские формы, можно встретить много знакомых мест, то же можно сказать и о знакомых многим карельских фамилиях» — Н. Пююккёнен, *Arsenin neljä elämää (kirja)*, Ortodoksi.net, [http://www.ortodoksi.net/index.php/Arsenin_nelj%C3%A4_el%C3%A4m%C3%A4%C3%A4_\(kirja\)](http://www.ortodoksi.net/index.php/Arsenin_nelj%C3%A4_el%C3%A4m%C3%A4%C3%A4_(kirja)) [дата обращения: 05.06.2018].

православные паблики в социальных медиа сыграли тут немаловажную роль¹³. Критикам, также в Финляндии, особенно понравился диалог между юридивыми.

Описание речи. На эту тему высказался профессор Томи Хуттунен, который отметил следующее:

В романе ярко представлены встречи между **разными юридивыми** [выделено мною. — Э. К.] и их роль в русском обществе XV века. Однако Водолазкин зря путает обязанности исследователя, учителя и рассказчика, доходя порой до чтения лекций по древней жизни [то есть критик считает, что это лишнее. — Э. К.].

Описание речи является одним из самых интересных и в то же время наиболее проблематичных аспектов романа: не используются ни кавычки, ни курсив. Речь героев звучит прямо в нарративе, который замедляет ее, создавая впечатление медитации. Голос Арсения умело приглушен до уровня мысли. Как завещал Арсению Великому его святой покровитель, «Много раз я сожалел о словах, которые произносили уста мои, но о молчании я не жалел никогда».

Повествование в романе представляет собой смесь языков разных эпох: устаревший высокий стиль, нейтральный литературный язык, грубоватый вариант современного делового языка и сленга.

Таким образом, Водолазкин подтверждает остроумный подзаголовок: неисторический роман.

Очевидно, он хочет показать ограниченный характер нашего представления о времени, но для чего нужны пластиковые бутылки, найденные в снегах Древней Руси XV века? Почему ушкуйники должны сквернословить, как современные громилы? Чтобы доказать, что ничего не изменилось? [...]

Хотя великие вопросы в романе универсальны, это очень русское произведение, в котором православная связь с природой, ожидание псковичами конца света и интуитивное немилосердие юридивых становятся главными темами. Водолазкин претендует на описание формирования русской культуры, диалога языческой и христианской культур, а также человеческих встреч и любви во время чумы.

Это также смелая попытка открыть новые жанры современной русской литературы¹⁴.

«Живая агиографичность». Одобрение читателей вызвали также «живая агиографичность» и правильное применение православных терминов, которые в финском языке отличаются от западных эквивалентов. Ханну Пююккёнен пишет:

¹³ J. Lassin, *Contemporary (Novel) Canonizations: The Case of Evgenii Vodolazkin's «Lavr» in Online Discourse*, «ASEEES Annual Convention», Washington, DC, 20.11.2016. Джейкоб Лассин говорил об этом также на конференции «Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин» в Кракове (17–19.05.2018), где выступил с докладом *Литературная рецензия романа «Лавр» в религиозном Интернете: сравнение ситуации в России и в Америке*.

¹⁴ T. Huttunen, *Jevgeni Vodolazkinin menestysromaania kehuvat Venäjällä niin nationalistit kuin liberaalikirjailijatkin*, «Helsingin Sanomat», 15.12.2015, <https://www.hs.fi/kulttuuri/kirja-arvostelu/art-2000002872763.html> [дата обращения: 05.06.2018].

Ценность этого отличного перевода повышает его достоверность по отношению к православию: терминология употреблена правильно, переводчик хорошо знаком с православной традицией и не путает понятия с их западными, зачастую отличающимися значением, вариантами. Так, например, слово «святой» переводится на финский по-разному в зависимости от контекста: не «*pyhimys*» [как у католиков и лютеран. — Э. К.], а «*pyhä*»; обычное богослужение должно называться *литургией*, а не *мессой*. Также «отшельник» имеет в православном контексте немного другой смысл, чем в западноевропейском. Часто переводчик, незнакомый с культурой текста, создает языковые образы, которые не воспринимаются и сразу портят атмосферу текста. Здесь все по-другому. Это похоже на чтение житий живших когда-то святых, но на этот раз перед нами неприкрашенное и реалистичное, почти жалкое повествование¹⁵.

Пююккёнен сопоставляет искусство лечения и мистику, которые «переполнены символикой»:

Одной из главных тем книги является знание народной медицины, которое Арсений усвоил у своего дедушки. Это знание чудесным образом связывается в книге с православной мистикой. Как православная мистика, так и народная медицина переполнены символикой, загадками и даже разными временными слоями. Арсений в книге представляет собой самоучку, как бы ученого человека своего времени, врача, который обладает бесконечной жадностью знаний и отличными способностями в усвоении новой информации, но который должен претерпеть на своем пути не только стабильность¹⁶.

Критик одобрительно отзываясь об изображении цикличности времени и вечности человеческих проблем:

В книге мы встречаемся с по-настоящему разными людьми разных времен, разных сословий и действующих в очень разных жизненных обстоятельствах. Читая ее, можно почувствовать старорусский, почти языческий и в большой мере суеверный, но все же глубоко христианский образ жизни и встретить людей от самых бедных и нищих до бесконечно богатых, между которыми, с точки зрения Арсения, нет различий, и у всех из них — и у нас — в конце концов те же проблемы, те же болезни, те же страхи и печали, которые идут с нами и стоят перед нами¹⁷.

В заключение Пююккёнен пишет о жанре:

Книга интересным образом продолжает литературную традицию, присущую православию, — стилистическую форму житий святых, агиографию, а также многие рассказы о паломничествах. Хотя, возможно, изложение совершенно другой истории [рассказ о паломничестве. — Э. К.] стоит в книге немного особняком, но сама цель описанного паломничества бесконечно православная — Иерусалим¹⁸.

¹⁵ Н. Рюккёнен, *Arsenin neljä elämää (kirja)*...

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

* * *

В этом обзоре мы коснулись лишь некоторых исторических, контекстуальных и филологических аспектов, на наш взгляд, повлиявших на успех перевода романа *Лавр* в Финляндии. Но не было сказано еще одно. Мы имеем в виду то, что сам автор несколько раз выступал перед финскими читателями и был чрезвычайно тепло принят. Он дал также ряд весьма интересных интервью. Все это нельзя переоценить. Секрет полноценной радости чтения заключается еще и в том, что финны, наверное, «долго ждали» именно такого романа.

* * *

Через два года после выхода в свет книги *Arsenin neljä elämää* издательство «Инто» выпустило ее в мягкой обложке, в электронном формате, а также как аудиокнигу. «Инто» приняло решение приступить к переводу второго романа — *Авиатор* — при финансовой поддержке Института перевода РФ и финского частного культурного фонда «Коне». Переводчик опять — Элина Кахла.

Евгений Водолазкин был снова приглашен выступить на книжной ярмарке в Хельсинки в октябре 2018 года — на этот раз с презентацией финского перевода нового романа, который по желанию издателей получил название *Lentäjä* — *Летчик*. Нужно отметить, что заглавие является стилистически неточным, упрощенным вариантом слова «авиатор», которое, во-первых, является архаизмом, а во-вторых, включает в себя сонм реминисценций.

Переводчику опять пришлось принимать существенные решения, например, стоит ли приложить к финскому изданию список комментариев в помощь читателю? Ведь в контекст произведения включены исторически и географически близкие нам места: Петербург — от Карельского перешейка до Куоккалы (то есть от Курортного района Ленинградской области до Репино) и петербургский текст: от Николая Гоголя до Александра Блока и Анны Ахматовой (ее *Deus conservat omnia*). Стоит ли упомянуть и о том, что сохранение памяти ГУЛАГа важно не только для русских, но и для тысяч уничтоженных Молохом финнов, карелов, саамов, вепсов, ингерманландцев? И напомнить о том, что жанр свидетельств о ГУЛАГе — от *Кольмских рассказов* Варлама Шаламова, *Неугасимой лампы* Бориса Ширяева и текстов Александра Солженицына до воспоминаний академика Дмитрия Лихачёва (который был учителем Евгения Водолазкина) — остается самым востребованным? Как в переводе передать философский дискурс, скрытый в дневниковых записках, как сохранить уровень

многослойности в переводе? Как передать символическое восхваление Троицы, когда речь идет о чаепитии за кухонным столом?

Недавно мы имели возможность обсудить проблему письменных воспоминаний о ГУЛАГе с писателем Константином Азадовским, который сам является бывшим зэком, узником Колымы, и можем повторить его слова: «Человек после ГУЛАГа — внутри мертвый». Воскрешение памяти — **наша** задача.

Автор приносит благодарность доктору философии Ире Эстерберг и практикантке Эммиросе Ихалайнен за помощь при подготовке статьи, а также лектору Михаилу Коптеву за исправление языковых ошибок.

Ключевые слова: Финляндия, восприятие, жизнеописания, православие, переводная художественная литература

RECEPTION AND TRANSLATION OF EUGENE VODOLAZKIN'S NOVEL *LAURUS* IN FINLAND

Summary: In this article, our task is to briefly consider what different factors together influenced the fact that a previously unknown author in our country immediately gained a name and respect based on the release of his novel *Laurus* (2012), which in the Finnish translation was given the title *The Four Lives of Arseni* (*Arsenin neljä elämää*, 2015). This success, in our opinion, was influenced at least by the following aspects: 1. The historical and geographical proximity between our countries, and the related traditionally significant popularity of Russian and Russian-language literature translated into Finnish and Swedish. 2. In the current situation, the demand for live cultural exchange as a counterbalance to the cooling of the geopolitical climate. 3. The role of intermediaries and an interpreter to support successful perceptions. 4. The perception of translation in reviews (in the media space). After these points, we try to take a closer look at these aspects. Our view is purely subjective, based on the personal experiences of an interpreter, a scholar and a literary critic.

Keywords: Finland, reception, hagiography, Eastern Orthodox Christianity, translated fiction